

УДК 336.1
ББК 65.9(2)26
А-66

Анесянц Юрий Саркисович, кандидат экономических наук, доцент НОУ ВПО ИУБуп, e-mail: anesyanc@gmail.com;

Истомина Юлия Сергеевна, аспирант кафедры «Финансы» экономического факультета Института Управления, Бизнеса и Права, e-mail: is_to_mi_na@mail.ru.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СРЕДЫ

(рецензирована)

Статья описывает финансовую среду в контексте роли институциональной экономики как инструмента преодоления гносеологического тупика концептуального редукционизма классических и неоклассических экономических моделей. Основные решаемые задачи – разработка модели микрооснований и её интеграция с общей институциональной финансовой архитектурой для обеспечения связи между макро и микроэкономикой.

Ключевые слова: институциональная экономика, неоклассическая модель, концептуальный редукционизм, концепция микрооснований, институциональное устройство, стихийное развитие, направленное созидание.

Anesyants Yurii Sarkisovich, Candidate of Economics, assistant professor of the EI HPE IMBandL, e-mail: anesyanc@gmail.com;

Istomina Juliya Sergeevna, post graduate student of the Department of Finance of the Economic Faculty of the Institute of Management, Business and Law, e-mail: is_to_mi_na@mail.ru.

INSTITUTIONAL ASPECTS OF FINANCIAL ENVIRONMENT FORMATION

(Reviewed)

The article describes the financial environment in the context of the role of institutional economics as a tool to overcome the epistemological impasse of conceptual reductionism of classical and neoclassical economic models. The main determined tasks - development of micro foundations model and its integration with the overall institutional financial architecture to facilitate communications between the macro and microeconomics.

Keywords: institutional economics, neoclassical model, conceptual reducti-onism, the concept of micro foundations, institutional arrangement, spontaneous development, directed creation.

Современная институциональная теория является развитым горизонтально, заимствующим многие инструменты анализа смежных наук, и вертикально, усиливая нейропсихологический аспект изучения экономических процессов подходом к анализу экономических моделей и процессов. Так, если первые идеи основоположника экономического институционализма Т. Веблена касаются преимущественно общеэкономических вопросов и носят характер описательный, устанавливая и определяя научное поле, то современные подходы более ориентированы на конкретный результат и изучают процессы в совокупности и глубине. От анализа Вебленом собственного видения проблем «Его позиция для него самого выступает в качестве действительно объективной и независимой от субъективных искажений. Здесь он без всяких лишних рефлексий по поводу своих методологических оснований позволяет себе говорить о непосредственно видении ... его можно определить как концептуализацию личного опыта» [1], современные институционалисты пришли к использованию большого количества точек зрения, избегая гносеологических ловушек индивидуального сознания.

Наиболее показательной является дискуссия между апологетами «нового» институционального течения, к которому принадлежит Дж Ходжсон и Д. Норт. Оба они основывают свои работы на исследования предыдущего поколения и решают вопросы разделения формальных и неформальных институтов, роли и значения привычки в их формировании, способности институтов к самоорганизации и самоподдержанию и разделении организаций и институтов из взаимодействия и взаимопроникновении.

Так по У. Гамильтону институты являются: «Распространенным и устоявшимся способом мышления или действия, укрепившимся в привычках группы или народа», что вполне соответствует представленному подходу и говорит о институциональной природе обсуждаемых

понятий. Однако по Ходжсону они зависят от мыслей и действий людей, но не сводимы к ним.

По Дж Ходжсону следует, что институтами являются производными «от ресурсов и ограничений, в каждом случае и материальными и когнитивными в рамках которых мы думаем, действуем и творим. Следовательно – институты это не только объективные структуры, существующие «где-то вовне», но и субъективные факторы человеческого восприятия у нас «в голове».

По Нортю институты являются не способом мышления, а ограничениями, которые люди накладывают на свои взаимодействия [8] – соответственно с таким подходом акторы рынка, занимая определенные когнитивные позиции, накладывают на себя определенные ограничения на взаимодействия с рынком, а государство должно «стимулировать их к упорядоченному и предсказуемому поведению как результату преимущественно институциональных ограничений». Во всяком случае, такие ограничения должны формировать защиту одних акторов от других, дабы ограждать слабых от непредсказуемости собственного поведения и силы доминантных.

Институционализм как подход можно трактовать достаточно широко, в частности как тип экономического анализа, который делает упор на роль социальных, политических и экономических организаций в определении экономических событий [11]. Справедливо представление о том, что в центре внимания институционалистов стоит не анализ цен, спроса и предложения и их модельного равновесия, но экономические проблемы во взаимосвязи с социальными, политическими, этическими и правовыми аспектами. В этом отношении институциональный анализ ближе к изучению объективной экономики и направлен на достижение непосредственного результата, причем с как можно более широкой и универсальной сферой применения и использования.

В исторической перспективе идеальным институциональным экономистом можно признать немецкого деятеля эпохи германской индустриализации Ф. Листа: «Лист никогда не отрицал значения свободы торговли для повышения эффективности экономики в целом. Но, думается, он никогда и не ставил перед Германией чисто экономических задач. Они всегда были для него на втором месте по отношению к задачам политическим и духовным. Лист готов был согласиться на то, что экономика в течение какого-то времени будет работать менее эффективно, лишь бы это была именно немецкая экономика, имеющая столь большое значение для решения проблемы национального германского возрождения» [4]. Мы считаем, что суть институционального подхода сегодня заключается в поиске гармонизации социально-экономических институтов, внешних вызовов и внутреннего общественного запроса.

Институциональная онтология решительно отличается от неоклассического подхода с его обязательным выведением модели, построенной на принципе концептуального редукционизма. Для внутренней непротиворечивости и актуарной устойчивости такой модели неоклассическая теория применяет различной глубины и обоснованности упрощения реальности, основными (и наименее обоснованными) из которых являются введение рационального потребителя и репрезентативного агента как основы формирования равновесных ожиданий спроса и стоимости, а так же нормального распределения отклонений стоимости как меры риска.

Принятия на себя во многом искусственных ограничений в рамках парадигмы концептуального редукционизма приводит к непротиворечивости модели, которая, зачастую, сопровождается её крахом в реальном мире, где акторы рынка взаимодействуют иррационально, в соответствии с рефлексивными, нейропсихологическими и просто непоследовательными импульсами, а распределение рынка далеко от Гауссова.

В дискурс современной критики экономической мысли уже введено понятие «экономического аутизма», который трактуется как утрата связи экономической науки с реальностью, критика активно развивается во многих работах [5; 9; 10]. Появление новой волны критических к картезианскому подходу материалов и концепций связано с идеологическим и методологическим кризисом англосаксонской модели капитализма вообще и либерального монетаризма в частности, на таком подходе основанных.

Между институционалистами и классицистами нет консенсуса по поводу экономической онтологии, и даже напротив, можно говорить о непреодолимом эпистемологическом разрыве. Как отмечает Уильям Истерли, экономисты часто забывали собственное утверждение о том, что люди реагируют на стимулы. Пытаясь объяснить функционирование экономики через агрегированные макропоказатели, они упускали их происхождение, институциональный подход призван исправить этот недочет современного экономического естествознания [6]. «Оторванный от наблюдения как источника истины, картезианский разум, для того чтобы подтвердить свой реализм, придает

большое значение «тестированию». Но тестирование не является гарантией верных идей, так как, потеряв связь с реальностью, экономический разум создал столько загадок, головоломок и чисто умозрительных конструкций, что тестирование доказывает все и ничего» [7].

Суть претензии институционалистов к современному гносеологическому порядку, выражена ими следующим образом: «В парадигме концептуального редукционизма (современная макроэкономическая модель) уже с самого начала блокируется любое понимание взаимодействия между микро- и макроуровнями. При таком подходе различия между целостной системой и её частями понять невозможно. Чтобы разрабатывать модели, которые бы позволили выводить макрособытия из микроэкономических закономерностей, экономисты должны заново продумать понятие микрооснований в макроэкономических моделях» [6]. Таким образом, исходя из новых экономических задач, вводится концепция микрооснований, на которой настаивает целый ряд авторов критикующих различного рода строгие модели, основанные на чрезмерном упрощении водных предпосылок.

Можно утверждать, что институциональный анализ требуется экономической науке там и тогда, когда современный, мейнстримовый неоклассический подход сталкивается с гносеологическим тупиком и не в состоянии объяснить происходящих процессов. В некотором смысле институциональный подход является иным языком, несколько ограниченным в строгости интерпретаций, однако позволяющим, за счет универсализма и широты используемых подходов, а так же базовой установки на когнитивное происхождение всех процессов в экономике, к поиску радикально новых интерпретаций и подходов к экономическим проблемам. По верному замечению В. Ефимова классическая экономическая традиция моделирования за счет редукционизма, сопровождаемая «тестированием» приводит к тому, что исследователь остается глух ко всему, что не вмещается в его теоретическую схему, и, таким образом, путь к пониманию исследователем чего-то совершенно нового остается отрезанным [2]. По указанной причине в системе институционального анализа, ориентированного на достижение результата здесь и сейчас, в соответствии с учетом опыта и существующих механизмов, редко используется строгое моделирование на априорных предположениях, в частности исключаются базовые принципы «рациональных ожиданий» и «репрезентативного потребителя».

Однако вопрос организации и самоорганизации институтов остается большей частью нерешен, равно как и деление институтов на собственно институты, организации, модели поведения, привычки, законы, вся совокупность этих определений распадается или синтезируется в зависимости от научной позиции автора поскольку категориальный аппарат институционального подхода еще не устоялся. Кроме того, остается неопианной связь между макро и микроэкономикой. Осознанная потребность в концепции микрооснований еще не сформировала ни устойчивого дискурса, ни строгой модели.

В рамках формирования необходимой эпистемологической базы для разрабатываемой автором модели микрооснований можно выделить следующую парадигму: институты могут образовываться стихийно, но в отдельных случаях являются результатом «сознательного проектирования». Формирование институционального устройства подчинено запросу, который это устройство сможет выполнить, при этом генезис запроса целесообразно разделить на два типа: стихийную и направленную формы развития. Стихийное формирование рынка, скорее всего, не встречается в чистом виде, но непрерывно и потенциально канализуемо, является источником хаоса относительно установленной ветикали, а направленный тип развития делится на составляющие: саморегулирования снизу или федерального контроля сверху.

Гармонизация микро- и макроэкономических процессов, их взаимоувязка происходит в рамках представлений об общем архитектурном принципе институтов взаимодействия – горизонтальная субординации по уровням и горизонтальное взаимодействие по сегментам. Внутри всей совокупности финансового рынка существует его часть – фондовый рынок, который наполнен различными «институциональными образованиями» и «институциональными устройствами», представляющими собой функциональные единицы. Таким образом, сумма институционального инструментария рынка ценных бумаг создает фондовый рынок, а сумма фондового, страхового, банковского секторов – финансовый.

В основе каждого из перечисленных институтов находится определенное количество институциональных устройств. В контексте описанного подхода представляется, что каждое из институциональных устройств является элементом микроуровня относительно общего сегмента. Каждое из отдельных институциональных устройств формируется как ответ на общественный запрос и, помимо роли инструментария непосредственно участвующего в достижении целей

отдельной группы экономических агентов, может изменить ми параметры системы в целом, изменив состояние системы на смежных участках. Запрос на отдельные институциональные устройства, в число которых на фондовом рынке могут быть отнесены финансовые продукты, режимы налогообложения, организационные формы, нормативы, регламенты и любые другие формы организации, формируется из совокупности микрооснований множества экономических агентов ожидания которых, по-видимому, и являются атомарными неделимыми микрооснованиями, нано-уровнем институционализации финансового рынка.

Таким образом существует устойчивая по вертикали ось институт => суб-институт => институциональное устройство => процессная система. Связь между микро- и макроэкономикой, обуславливает интеграцию концепции микрооснований в институциональную иерархию как базовый (нано) уровень вертикальной модели.

При этом иерархия устойчива не только по вертикали, но и по горизонтали. Даже несамовозобновляемые институты обладают долговечностью и устойчивостью, поскольку они создают стабильные ожидания, упорядочивают мышление и деятельность индивидов. Кроме того, институты создают многоуровневые горизонтальные и вертикальные связи друг с другом, образуя кристаллическую решетку рекуррентного поведения и взаимозависимости таким образом, что существование одного института гарантирует устойчивость связанного с ним, подобно тому, как институт церкви является проводником института брака и почитания старших (горизонтальная связь), а институт финансов домохозяйств инициирует институт коллективных инвестиций, пенсионных систем и пирамидальных сетевых структур (вертикальная связь). Учитывая, что не только люди создают институты, но и институты формируют общество в широком смысле, обе системы имеют положительную обратную связь снизу вверх и по горизонтали, а значит этот полезный или негативный контур может быть самовоспроизводим.

Приводя практический пример, например для МФЦ, который рассматривается в контексте глобализирующего финансы института, имеем следующие уровни организации: макроуровень – формирование института финансового рынка, суб-макроуровень – сегменты финансового рынка (фондовый, страховой, банковский); институциональный уровень – институты фондового рынка (коллективных инвестиций, броекриджа, хранения и учета, спекуляций, финансовой глобализации, агрегации/изотропности, проч., включая МФЦ); микроуровень – институциональные устройства (финансовые продукты, услуги, регламенты, организационные формы, должности и проч.); наноуровень – ожидания и потребности экономических агентов, стихийно формирующие запрос, регулирующее воздействие регуляторов, демпфирующее и канализирующее его, а так же когнитивные дисфункции и синдромы этот запрос искажающие.

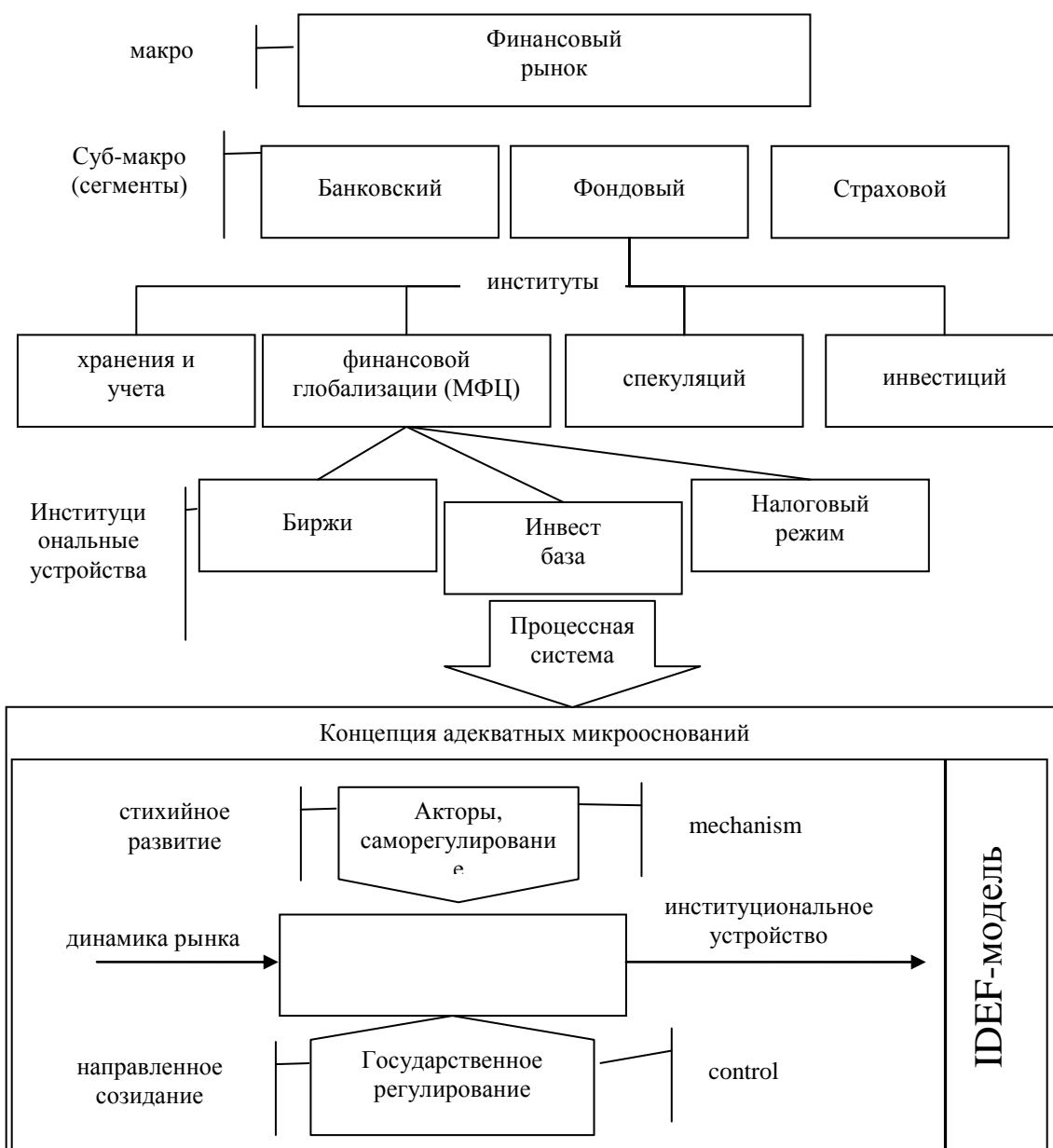

Рис. 1. Концептуальная схема институциональной архитектуры

Из вышеуказанного следует, что первой и имманентной движущей силой, драйвером развития институциональных процессов любого порядка, является стихийно образующийся общественный спрос на изменения в системе, выраженный акторами и канализированный регулятором. Формирование такого сигнала обеспечивает формирование институционального устройства, которое обеспечивает работу «трансмиссионного механизма» от микро к макроэкономике. Работа этого механизма выражает суть финансового рынка как институциональной модели, ультимативно, оно позволяет финансовому рынку являться трансмиссионным механизмом между секторами реального сектора экономики, в свою очередь выступая институциональным устройством высшего порядка.

Вместе с тем финансовый рынок становится шире, чем поддерживающий, сервисный институт. Он не только передает импульс различных отраслей, но формирует собственный, видоизменяет входящие импульсы, становится отдельным игроком. В современных условиях, финансовый рынок может самостоятельно формировать ответы инвестиционного сообщества и индустрии на отдельные шоки и вызовы. Форма финансового рынка как инструмента обслуживания реального сектора экономики расширилась до макроинституционального уровня, определяющего и корректируя процессы всех смежных и субординированных уровнях.

Таким образом, в рамках данной статьи удалось исследовать основное эпистемологическое противоречие институционального и классического подхода в изучении экономических

процессов, показать преимущества институционального подхода в условиях гносеологического тупика, создать базовые схемы, формирующие связность макро и микроэкономики через разработанные модели микрооснований.

Литература:

1. Горюнов М. Комментарии к Торстейн Веблен, Теория праздного класса. Москва, URSS, 2010.
2. <http://actualcomment.ru/book/641/?comment=21796>
3. Ефимов В. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики, №8, 2007 г.
4. Кирман А., Колландер Д., Фельмер Г. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики, №6, 2010.
5. Травин Д.Я., Маргания О. Европейская модернизация / Серия: Philosophy. - М.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.
6. A Guide to What is Wrong with Economics / Fullbrook E. (ed.) L.: Routledge, 2004.
7. Easterly W. The Elusive Quest for Growth: Economist's Adventures and Misadventures in the Tropics. MIT Press, 2001.
8. Mini P. Cartesianism in Economics // The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics. In 2 vol. / Hodgson G.M., Samuels W.J., Tool M.R. (eds.) Aldershot (UK): Edward Elgar, 1994.
9. North D. Five propositions about institutional change // Explaining social institutions. University of Michigan Press, 1995.
10. Real World Economics: A Postautistic Economics Reader / Fullbrook E. (ed.) L.: Anthem Press. 2007.
11. The Crisis in Economics. The Post-autistic Economics Movement: the First 600 Days / Fullbrook E. (ed.) L.: Routledge, 2003.
12. The MIT dictionary of modern economics. 4-th ed. 1994. P. 209.

References:

1. *Gorjunov M. Comments on Thorstein Veblen, The Theory of the Leisure Class. M., URSS, 2010.*
2. URL: <http://actualcomment.ru/book/641/?comment=21796>
3. *Efimov V. Subject and method of interpretive institutional economics // Problems of Economics. № 8. 2007.*
4. *Kirman A., Kollander D., Felmer G. The financial crisis and the failures of modern economics // Problems of Economics. №6. 2010.*
5. *Travin D. J., Margania O. European modernization / Series: Philosophy. M.: AST, Terra Fantastica, 2004.*
6. *A Guide to What is Wrong with Economics / Fullbrook E. (Ed.) L.: Routledge, 2004;*
7. *Easterly W. The Elusive Quest for Growth: Economist's Adventures and Misadventures in the Tropics. MIT Press, 2001.*
8. *Mini P. Cartesianism in Economics // The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics. In 2 vol. / Hodgson G. M., Samuels W. J., Tool M. R. (Eds.) Aldershot (UK): Edward Elgar, 1994.*
9. *North D. Five propositions about institutional change / / Explaining social institutions. University of Michigan Press, 1995.*
10. *Real World Economics: A Postautistic Economics Reader / Fullbrook E. (Ed.) L.: Anthem Press. 2007.*
11. *The Crisis in Economics. The Post-autistic Economics Movement: the First 600 Days / Fullbrook E. (Ed.) L.: Routledge, 2003;*
12. *The MIT dictionary of modern economics. 4-th ed. 1994. P. 209.*